

О любви

ПРЕКРАСНОЙ
И ВЕЧНОЙ

ФИОНА
МАКИНТОШ

ВОЗВРАЩЕНИЕ
В ПРОВАНС

Ранее роман выходил под названием
«Клятва француза»

МОСКВА
2015

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44
М15

Fiona McIntosh
THE FRENCH PROMISE

Copyright © 2013 by Fiona McIntosh

Ранее роман выходил под названием
«Клятва француза»

Перевод с английского *А. Питчер*
Художественное оформление *С. Власова*

Школа перевода
В. Баканова

Макинтош, Фиона.

М15 Возвращение в Прованс / Фиона Макинтош ; [пер.
с англ. А. Питчер]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 416 с. — (О любви — прекрасной и вечной).

ISBN 978-5-699-81399-5

Люк и Лизетта были идеальной парой. Вместе прошли войну, участвовали во французском Сопротивлении и пережили потерю близких людей. Они мечтали о новой и счастливой жизни. Но, увы, их планам не суждено было сбыться. Лизетта погибла, и больше некому защитить Люка от призраков прошлого. Он не знает, как теперь жить дальше.

Люк возвращается во Францию, где среди лавандовых полей и пьянящих ароматов цветов живет человек, убивший его сестру. Когда-то он поклялся отомстить за нее и исполнит задуманное. Тогда прошлое, возможно, отпустит его.

Память о Лизетте Люк будет хранить вечно, но, как знать, — может, судьба приготовила для него новую встречу. Ведь горем и скорбью нельзя жить вечно.

УДК 821.111-31(94)
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-699-81399-5

© Питчер А., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

*Посвящается Брайсу Куртенэ, учителю и другу,
который убедил меня, что мои рассказы до-
стойны быть записанными.*

*Пусть в нашей жизни всегда будут подсолнухи,
лето... и истории.*

ПРОЛОГ

Май 1943 года

Надпись над входом гласила: «*ARBEIT MACHT FREI*».

«Да, труд освобождает, и еще как», — с горечью подумала Ракель. Слова звучали издевательством, обещая свободу тем, кто жаждал выжить любой ценой.

Ракель бездумно играла на скрипке, машинально воспроизводя знакомые ноты, но музыка больше не трогала душу, не согревала сердце.

— Веселее! — покрикивали нацистские охранники. — Вальс давай!

Ограниченный репертуар заезженных мелодий повторялся, потому что исполнители в лагерном оркестре надолго не задерживались. Охранники предпочитали бравурные марши: под ритмичную, жизнерадостную музыку гораздо легче пересчитывать заключенных.

Иногда Ракель мечтала бросить гневный вызов своим мучителям, проявить скрытую в ней мятежную искру, но гнев быстро угасал. Любые, даже самые незначительные попытки воспротивиться, хотя и доставляли краткий миг внутреннего удовлетворения, однако приводили к ужасающим результатам и подвергали опасности других заключенных. Мятежников ждала скорая, безжалостная расправа. Розовощекие, гладко выбритые, аккуратно подстриженные охранники презрительно выслушивали объяснения, вершили мнимый суд и непреклонно выносили приговор. Несчаст-

ный, ставший жертвой подобного правосудия, прекрасно сознавал, что его ожидает «стена смерти» на задворках барака 11, где приговоренного раздевали догола и убивали выстрелом в упор. Эта участь грозила даже тому, кто, не зная немецкого, замешкался с исполнением приказа охранника. Лагерная роба и грубые деревянные башмаки казенного доставались другим узникам.

Ракель давно забыла и о смехе, и о надежде, но продолжала играть в лагерном оркестре, потому что прикосновение к струнам скрипки по-прежнему служило напоминанием о счастливой жизни. Бесчеловечное обращение вытравило волю, обесценивало существование заключенных, однако девушка упрямо цеплялась за призрачную, ускользающую иллюзию и презирала себя за то, что со смиренной покорностью сносила грубость, издевки и побои. Она не понимала, как можно настолько забыть о своей человеческой сущности, чтобы наслаждаться страданиями ни в чем не повинных людей. Впрочем, размышлять об этом бессмысленно: главное — прожить еще один день, встретить еще один рассвет.

Оркестр монотонно затянул знаменитую арию из баховской Третьей сюиты ре мажор. Ракель помогла аранжировать произведение для ограниченного состава оркестрантов, и печальные, размеренные звуки скрипки пробудили угасшие чувства в измученной душе девушки. Она забылась, не слыша больше ни натужного кашля, ни фальшивых нот, ни расстроенных инструментов, не видя ни охранников с автоматами, ни оборванных истощенных узников. Из ее груди невольно вырвался всхлип, и Ракель с необычайной ясностью вспомнила, как их привезли в Аушвиц. Под аккомпанемент чарующей музыки девушка еще раз пережила жуткие события кошмарного дня.

Семью Боне перевезли из родного Прованса в транзитный пункт Дранси, неподалеку от Парижа. Из семи чело-

век уцелело пять: Люку удалось скрыться, а бабушка Ида умерла от побоев жандарма. Отец уверял, что так или иначе все образуется, с ними разберутся и выпустят, — или удастся откупиться. К сожалению, Ракель слишком хорошо знала отца. Он изо всех сил утешал жену и дочерей, но смущенно отводил глаза, сам не веря своим словам.

Ракель не представляла себе, с каким рвением немецкие оккупанты готовятся очистить Западную Европу от евреев. Двое суток семья Боне провела в вагоне для скота, стоявшем на путях в ожидании отправки к месту назначения.

— Молчать! — грозно рявкнул охранник, услышав умоляющие крики. — У нас есть грузы поважнее всяких отбросов.

Грустная мелодия продолжала звучать, набирая силу. Ракель вспомнила, как отец растерянно глядел на людей в вагоне, а Сара, ее старшая сестра, пыталась привести в чувство мать, утратившую дар речи.

— Здесь сто двадцать семь человек, — ошеломленно произнес Якоб Боне.

— Пить хочется, — простонала Гитель.

— Потерпи, солнышко, — ответила Ракель, обнимая младшую сестренку. — Мы попросим воды и дадим всем по глоточку, вот увидишь.

В вагоне, раскаленном горячими лучами солнца, стояла душливая жара.

На третий день у вагона послышались крики и свистки, но для четырнадцати стариков и младенцев было уже слишком поздно. Охранники снизили к просьбам Якоба и разрешили вынести трупы. Родные и близкие в ужасе смотрели, как погибших бесцеремонно швыряют на платформу. Родителей, отказавшихся расстаться с телом малютки, грубо вытолкнули из вагона, не обращая внимания на истерические рыдания матери.

— Не волнуйтесь, — сказал охранник. — Их отправят следующим поездом.

Прозвучал пронзительный свисток паровоза, и состав тронулся в путь. С перрона донеслись два выстрела.

Несчастные люди всю дорогу стояли в битком набитом товарном вагоне, утратив чувство времени. Изредка кто-нибудь подбирался к окну и пытался определить время суток, но это мало кого интересовало. Пленников не кормили, а для отправления естественных надобностей выдали единственное ведро, которое переполнилось в первый же день. Справлять нужду приходилось на пол, под ноги, где уже покоились еще одиннадцать тел. А сколько прибавится?..

— Вот почему здесь так воняет щелоком, — шепнула Ракель отцу.

Якоб хмуро кивнул и ничего не ответил, стараясь сохранить бодрое расположение духа.

Голда смотрела на окружающих невидящим взглядом, не обращая внимания на слезы младшей дочери. Якоб попросил старших сестер успокоить Гитель. Ракель и Сара, забыв о своих страхах, голоде и усталости, по очереди обнимали девочку, шептали ей сказки и тихонько напевали песенки. Ракель беспокоилась о брате. Люку удалось скрыться от жандармов среди лавандовых полей в горах над Сеньоном. Он наверняка видел, как схватили родных. Сможет ли он их спасти?

Отец запретил дочерям упоминать имя брата, но не стал объяснять причин. Впрочем, девушки не завидовали тому, что Люк остался на свободе. Он был их единственной надеждой на спасение даже в минуты беспросветного отчаяния, когда Ракель хотелось уснуть вечным сном, чтобы избежать грядущего кошмара. Она не верила, что их везут в Польшу, в лагерь для перемещенных лиц, где им предстоит начать новую жизнь, хотя ни с кем не делилась свои-

ми подозрениями. Узники жили надеждой, — но у Ракель не осталось иллюзий. Яростное желание отомстить за разбитую жизнь и разрушенную семью придавало девушке сил. «Я выживу назло врагам», — повторяла она про себя.

Поезд неумолимо двигался на восток. С наступлением осени ночи становились холоднее, узники мерзли в вагоне, согреваясь только теплом своих тел. Наконец состав дернулся и замер. От рывка заключенные повалились друг на друга, сбивая с ног соседей, наступая на трупы. Холод пробирал до костей. С неба сыпалась льдистая крупка. С трудом переставляя окоченевшие ноги, Ракель вышла из вагона и помогла спуститься товарищам по несчастью.

«Как давно мы уехали из Парижа?» — отрешенно подумала она.

Резкие порывы ледяного ветра трепали изорванную одежду узников, едва живых от голода и жажды. Охранники, сжимая в руках дубинки, отрывисто выкрикивали приказы, а заключенные покорно повиновались, стараясь угодить своим мучителям. Якоб чуть слышно велел дочерям опустить головы и послушно следовать всем указаниям. Ракель с трудом удержалась от крика, когда охранник проорал очередную команду.

— Не привлекайте к себе внимания, — чуть слышно шепнул отец дочерям, вынося из вагона бесчувственную Голду.

Ракель схватила за руку испуганную Гитель. Губы девочки побелели, глаза ввалились.

У платформы стоял указатель «Аушвиц-Биркенау». Рельсы обрывались под железной аркой у кирпичного здания с невысокой башенкой.

«Конец пути», — обреченно подумала Ракель.

Солдаты вермахта уверенно вышагивали по платформе, криками заставляли заключенных выстроиться в шеренгу у железнодорожной ramпы.

— *Raus! Schnell! Aussteigen!*¹ — раздавались со всех сторон гортанные приказания.

Эсэсовцы в злобещих черных мундирах вели на поводках рычащих собак и рассеянно похлопывали стеками себя по бедрам.

После мучительного путешествия в товарном вагоне осталось в живых около девяноста человек. Их заставили присоединиться к остальным депортированным, скучившимся у рампы. Немцы, переговариваясь между собой, упоминали *sonderzüge* — особый состав. Едкий запах гнили, немытых тел и испражнений обжигал ноздри. Люди опасливо оглядывались по сторонам, жались друг к дружке.

После долгой тряски в вагоне Ракель неуверенно переставляла ноги, боясь споткнуться и упасть. Внезапно ей показалось, что среди оборванной, испуганной толпы движется призрачный силуэт, длинным корявым пальцем тычет в людей, обрекая их на скорую смерть.

— Одежду и предметы личного пользования оставьте для дезинфекционной обработки, — заученно повторяли охранники на немецком и плохом французском. — Не забудьте надписать на багаже фамилию.

Еле держась на непослушных ногах, члены семьи Боне отправились сдавать скудные пожитки. Гитель тоненько захныкала. Ракель чувствовала, что ее лишили последней связи с родным домом. Она все еще верила, что, хотя их и насильно вывезли из Франции, здесь, в Польше, им дадут возможность начать новую жизнь, подыскать работу и вернуть себе часть утраченного достоинства, а знакомые вещи, спасенные из руин прежней жизни, помогут освоиться на новом месте.

¹ Пошел! Быстро! Выходи! (нем.) (Здесь и далее — примечания переводчика).

Очередь двигалась медленно. У рампы высилась аккуратная гора чемоданов, саквояжей и узлов. Якоб и Сара поддерживали Голду, которая с трудом волочила ноги. Ракель старалась успокоить младшую сестру.

— Потерпи еще чуть-чуть, Гитель. Недолго осталось, скоро отдохнешь.

Охранники отделяли мужчин от женщин и детей. По длинной шеренге депортированных пробежала дрожь ужаса. Немецкий солдат грубо оттащил Голду от мужа, она закричала и забилась в грубых руках. Якоб обреченно глядел на старших дочерей, безмолвно умоляя их позаботиться о матери и четырнадцатилетней сестренке, и посылал жене воздушные поцелуи. Охранник нетерпеливо ткнул его прикладом в грудь. Ракель едва удержалась, чтобы не накинуться на солдата с кулаками. Сотни людей вокруг испытывали такое же отчаяние и беспомощность. Якоб улыбнулся дочерям, стараясь подбодрить их. Сара обняла мать, а Ракель пыталась успокоить младшую сестру. От ужаса Гитель обмочилась и дрожала мелкой дрожью. «Лучше умереть прямо сейчас, спастись от жуткой неизвестности», — обреченно подумала Ракель и тут же укорила себя. Ей вспомнилось, как однажды в школьном спектакле она играла злую ведьму, которая со зловещим смешком произносила: «Чего пожелаешь, то и сбудется».

Врач-эсэсовец лениво расхаживал по платформе, равнодушно осматривая заключенных. Он указывал на стариков и детей, на матерей с младенцами на руках, на больных и увечных, и охранники отводили их в сторону. Монстр в белом халате мельком посмотрел на Голду, кивнул солдатам, и женщину оттащили от дочерей. Та же участь постигла Гитель; перепуганная девочка не сообразила, что расстается с сестрами. По щекам Сары текли слезы. Ракель, онемевшая от растерянности, крепко сжала руку старшей

сестры. Гитель рванулась к отцу, но колонну мужчин уже гнали к воротам.

Якоб оглянулся на дочерей, поймал взгляд Ракель и кивнул. В его глазах застыла скорбь. Голда недоуменно озиралась по сторонам, не понимая, что происходит, не слыша охранников, которые грубо толкали ее к остальным узникам. Громадный пес зарычал и рванулся с поводка. Голда и Гитель испуганно вскрикнули и отшатнулись. Коренастая старуха обняла их за плечи натруженными руками и поглядела на сестер.

— Я присмотрю за ними, — сказала она.

Шеренга пленников медленно двинулась по дорожке к воротам лагеря.

Врач внимательно поглядел на Ракель, чуть склонив голову с ровным, будто по линейке, пробором.

— Имя?

— Ракель Боне.

— Место рождения?

— Сеньон, Прованс.

— Ближайший город?

Внезапно Ракель поняла, что ее уже включили в какую-то группу узников.

— Апт, — ответила она и, не сдержавшись, спросила: — Куда их ведут?

Эсэсовец недовольно поджал тонкие губы, окинул ее холодным взглядом голубых глаз и махнул рукой в сторону стариков и детей.

— На дезинфекцию, — равнодушно бросил он и, поморщившись, презрительно добавил: — Грязь смыть, чтобы не воняли.

— А нас на дезинфекцию отправят? — вежливо поинтересовалась Ракель. — У моей сестры вши завелись. Вы же врач...

— Меня зовут доктор Йозеф Менгеле. Я здесь недавно, как и вы. — Он подтолкнул Ракель к шеренге узников и поманил к себе Сару. — Вас тоже продезинфицируют. А о волосах можешь не волноваться.

Охранник стволом автомата ткнул Ракель в спину.

— Иди уже!

— Но почему нас... — не унималась Ракель.

— Ш-ш! Не зли его, — зашептала Сара.

Ракель почувствовала ложь задолго до того, как узнала страшную правду. На площади перед рампой еврейский оркестр играл бравурную музыку. Музыканты, одетые в полосатые робы, стояли с безучастными лицами. Ракель беспомощно глядела, как незнакомая старуха увлекает за собой Голду и Гитель. Сара, безудержно рыдая, крепко обняла сестру.

Колонну женщин погнали к воротам, но не в направлении душевых. На платформе высилась груда чемоданов и узлов с пожитками. Теперь вещи казались бесполезными, хотя в пути их очень берегли. Ракель отыскиала взглядом свой саквояж, где лежали две книги. Она бы с радостью отдала все, что имела, лишь бы еще раз обнять и поцеловать родителей. С болезненной горечью Ракель осознала, что больше их не увидит, и утратила способность трезво мыслить и рассуждать.

Узников отвели в здание неподалеку и заставили раздеться догола. У Ракель отобрали крошечный золотой медальон на тоненькой цепочке. Сару усадили на табурет, огромными ножницами отстригли завшивленные волосы, а затем грубо обрили голову. Ракель подверглась той же процедуре: тупое лезвие бритвы оцарапало нежную кожу головы, кровь ручейками стекала за уши. Обнаженным, наголо обритым женщинам грубо втерли под мышки вонючий порошок.